

Кочелаева Ольга Васильевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, семейное право, международное частное право

Прощение долга как основания прекращения обязательств

Аннотация. Статья посвящена одному из оснований прекращения обязательств в российском современном праве прощению долга, что наиболее актуально в настоящее время. Проводится анализ иностранного законодательства, рассматривается правовая природа прощения долга, также учитываются аргументы исследователей выработанная судами практика. Особое внимание уделяется тому факту, что прощение долга является договором, причем в некоторых случаях отличным от договора дарения, а в некоторых – выступающим его разновидностью.

Ключевые слова: прощение долга, обязательство, кредитор, договор.

Прекращение обязательства посредством прощения долга допускалось уже со времен римского права. Такой способ освобождения от долга мог осуществляться несколькими путями. Во-первых, кредитор мог отказаться от права требования при помощи акцептиляции (acceptilatio), которая представляла собой формальный обряд, не требующий действительного исполнения обязательства. Акцептиляция использовалась и в отношении обязательств, возникших не из стипуляции, для чего использовалась Аквиллиева стипуляция, т.е. сначала обязательства переводили в стипуляцию, а затем уже происходило их прекращение. Во-вторых, стороны могли заключить соглашение о не предъявлении требований (pactum de non petendo), т.е. отказывались от права на исковую защиту. Третьим средством для реализации прощения долга являлось мировое соглашение о взаимных уступках (transactio)

[1, с. 524]. В качестве еще одного способа осуществления прощения долга в римском праве называют *remissio debiti*, т.е. прощение долга в одностороннем порядке.

В российском законодательстве институт прощения долга впервые был прямо назван в Гражданском кодексе РФ [6], однако до этого в законодательстве также содержались статьи, направленные на тождественную цель. К таким нормам относятся ч. 1 ст. 1547 т. X Свода Законов Российской Империи. В данном правиле использовалось словосочетание «отступить от права». Это право предоставлялось кредитору договорных отношений. Разработчики Гражданского уложения Российской империи включили в проект ст. 165, предусматривающую возможность верителя отказаться от принадлежащего ему права. Наравне с нормой ст. 165 проекта ГУ, там содержалась и норма о договоре дарения, позволяющая отказаться от права требования. В советский период норм о прощении долга в законодательстве не предусматривалось, но закреплялась возможность прекращения обязательств по соглашению сторон, в связи с чем, ученые отмечали возможность прощения долга путем заключения соглашения о прощении долга [12]. В ГК РФ рассматриваемому институту посвящена ст. 415 ГК РФ, первоначальная формулировка которой гласила: «обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора».

Продолжительное время прощение долга, вызывает большие споры. Основными дискуссионными вопросами являются вопрос о правовой природе прощения долга и вопрос о соотношении прощения долга и договора дарения. Из истории института прощения долга не прослеживается единой позиции, позволяющей устранить эти неопределенности.

Дискуссия о правовой природе прощения долга сводится к проблеме отнесения его к односторонним сделкам или к договорам. Из первоначальной формулировки ст. 415 ГК РФ было затруднительно дать точный ответ на поставленный вопрос.

Для подтверждения мнения о достаточности односторонних действий для прощения долга выдвигают следующие положения. Сторонники данной позиции оперируют к тому, что фраза «обязательство прекращается освобождением кредитора» указывает на необходимость выражения воли только одной стороны – кредитора. В статье не содержится требований о согласии на это должника и не фиксируется необходимость заключения соглашения для реализации прощения долга. Следовательно, при буквальном толковании прежней редакции нормы, действительно, можно сделать вывод о том, что прощение долга по своей природе является односторонней сделкой.

Аргументы исследователей, полагающих, что прощение долга представляет собой договор, сводятся к следующему. Прощение долга, произведенное в одностороннем порядке, может повлечь за собой неблагоприятные последствия для должника. К примеру, подобные действия могут создать у потенциальных контрагентов представление о неплатежеспособности должника или привести к банкротству должника. Также прощение долга может быть связано с возникновением налоговой обязанности. Так, суд удовлетворил требования налогового органа о взыскании налога на доходы физических лиц, в случае, когда банк признал задолженность ответчика «безнадежной» к взысканию и произвел списание в соответствии с нормативными документами сумм в бухгалтерском учете. А.Г. Варламов приходит к выводу о договорной природе прощения долга, рассуждая о соотношении норм прощения долга и договора дарения. Ст. 415 ГК РФ, являющаяся частью общих положений об обязательствах и ст. 572 ГК РФ, посвященная отдельному виду обязательств, соотносятся как общее и частное и по общему правилу приоритет имеют специальные нормы, следовательно, прощение долга следует рассматривать как договор [3, с. 47-51].

Часть ученых считают, что в зависимости от ситуации прощение долга может являться или односторонней сделкой, или договором. Так, М.А. Егорова пишет о том, что прощение долга в договорных обязательствах должно реализоваться путем заключения сторонами соглашения о прощении долга, в то

время как для прекращения данным способом внедоговорных обязательств достаточно выражения воли кредитора [5, с. 18].

Анализ иностранного законодательства не поможет разрешить возникшее разногласие, так как сторонники обеих позиций смогут найти подтверждение своего мнения в различных правовых системах. Так, например, немецкое законодательство и законодательство Нидерландов закрепили правило о заключении соглашения для реализации института прощения долга. В свою очередь законодательство Франции предусматривает два варианта прощения долга в виде «отказа кредитора от своих прав» или «сложения долга», которое возможно в двух видах – «добровольное возвращение долгового документа» (ст. 1282) и «отказ от права или освобождение от обязанности на основании договора» (ст. 1285, 1287). В Квебеке, для прощения долга законодатель выбрал модель односторонней сделки.

В международном праве общие правила о прощении долга закреплены в ст. 131 ЕДП. В соответствии с данной нормой прощение долга применимо как к уже существующим долгам, так и к тем которые возникнут в будущее время. При этом осуществить прощение долга можно четырьмя различными способами, посредством одностороннего распорядительного акта кредитора, распорядительного договора, обязательственного договора, объединенного с односторонним распорядительным актом кредитора, и посредством взаимного распорядительного договора. Помимо этого Модельные правила европейского частного права упоминают в ст. III-4:207 и ст. III- 4:109 о прощении долга применительно к солидарным обязательствам [8, с. 112–113].

Касательно вопроса о прощении будущего долга в российской доктрине к единому мнению не пришли. Ряд исследователей утверждают о недопустимости прощения будущего долга, ссылаясь на то обстоятельство, что предмет соглашения о прощении долга должен быть определен, в то время как его определение для денежного обязательства, которое возникнет в будущее время, невозможно [7, с. 68]. Другие ученые придерживаются обратной

позиции и считают допустимым прощение будущего долга, для реализации которого предлагают использовать конструкцию с отлагательным условием.

Следующий спорный вопрос соотношение прощения долга и договора дарения. Данные институты сравнивают на том основании, что ст. 572 ГК РФ, определяющая договор дарения содержит указание на то, что предмет указанного договора может составлять освобождение или обязанность освободить одаряемого от имущественной обязанности перед собой или третьим лицом. Следовательно, и договор дарения, и прощение долга предполагают направленность на освобождение лица от лежащей на нем обязанности. По мнению Д.И. Мейера, Г.Ф. Шершеневича и Ю.С. Гамбарова прощение долга является разновидностью договора дарения.

Некоторые исследователи полагают, что прощение долга нельзя признавать разновидностью договора дарения. Сторонники того, что прощение долга является односторонней сделкой, используют правовую природу института в качестве критерия для разграничения прощения долга и договора дарения. В качестве аргумента против отождествления названных институтов выдвигается идея об утрате необходимости существования института прощения долга.

Помимо этого, вопрос о том, является или нет прощение долга разновидностью договора дарения приобретает особое значение в связи с тем, что от его решения зависит применение в отношении прощения долга запретов, установленных для договора дарения. Запрещение дарения регламентируется ст. 575 ГК РФ и не допускает дарения между коммерческими организациями, за исключением подарков стоимостью свыше трех тысяч рублей. Если прощение долга будет признано дарением, это парализует возможность для коммерческих организаций пользоваться в своих правоотношениях институтом прощения долга. Таким образом, сфера действие института прощения долга будет существенным образом ограничена, так как из нее будет исключен целый пласт обязательств, в случае признания прощения долга договором дарения во всех без исключения ситуациях, что является не целесообразным. Важно отметить,

что Закон о банкротстве и Арбитражный процессуальный кодекс РФ предусматривают возможность предусмотреть прощение долга в мировом соглашении, что свидетельствует об их признании допустимости применения прощения долга в рамках отношений между коммерческими организациями [2, с. 98].

В пользу договорной природы прощения долга также ссылаются на п. 2 ст. 407 ГК РФ, указывающий на прекращение обязательства по требованию одной из сторон, только в случаях, предусмотренных законом или договором. Помимо этого, признание прощения долга договором, позволит при необходимости распространить на него правила о договоре дарения и избежать обхода закона о запрете дарения между коммерческими организациями [10, с. 92].

Судами выработана практика, в соответствии с которой в некоторых случаях прощение долга квалифицируется как договор дарения, а в других – нет. В качестве критерия, позволяющего разграничить эти ситуации, было выдвинуто намерение одной стороны правоотношений одарить другую сторону. Стоит отметить, что некоторые действия свидетельствуют об отсутствии намерений освободить от обязанности в качестве дара. К ним относятся: заключение мирового соглашения, на основании которого происходит прощение долга в меньшем размере или аналогичные действия во внесудебном порядке, а также получение кредитором от прощения долга имущественной выгоды по другому обязательству между теми же лицами. Например, кредитор намерен простить должнику начисленную неустойку, при условии, что последний немедленно выплатит основной долг.

В настоящее время изменение ст. 415 ГК РФ вносит большую определенность в рассмотренные выше проблемы. В частности в новой редакции указанной статьи определен момент прекращения обязательств путем прощения долга, а также закрепили право должника отказаться от прощения долга в разумный период после уведомления кредитором о прощении долга. На этом основании можно прийти к выводу о том, что от должника также

требуется согласие для того, чтобы прощение долга состоялось. При этом в данной ситуации согласие представляет собой молчаливый акцепт. Следовательно, несмотря на некоторые особенности при прощении долга присутствуют и оферта, выражаемая в направлении уведомления, и акцепт в виде молчаливого согласия. В свою очередь это подтверждает договорную природу прощения долга.

Уведомление, должно производиться сторонами таким способом, чтобы впоследствии, его осуществление можно было доказать, например, путем отправления заказного письма, электронной почты с подтверждением получения, по телеграфу или телефаксу, путем личной доставки с получением под расписку.

Вопрос о соотношении договора дарения и прощения долга на законодательном уровне по-прежнему не решен. Однако, как было сказано ранее, вопрос об их соотношении урегулирован судебной практикой.

Для использования прощения долга на практике важно понимать сферу его действия, а также соотношение со схожими институтами права. Эти аспекты подробно показаны в работах А.А. Серветник. Анна Александровна полагает, что действие ст. 415 ГК РФ может распространяться как на возмездные, так и на безвозмездные обязательства [9]. В своей работе она проводит сравнение прощения долга с отступным, новацией, отказом от осуществления права и отказом от права. В отличие от новации и отступного, прощение долга не влечет ни возникновения нового обязательства, ни предоставления отличного от предмета обязательства имущества, т.е. не происходит возникновения каких-либо новых обязанностей [4]. Отказ от осуществления права и отказ от права являются односторонними сделками, в то время как прощение долга представляет собой двухстороннее соглашение. При этом отказ от осуществления права предполагает, лишь отказ от его реализации, при сохранении за кредитором этого права, прощение долга же влечет утрату обязательственного права. Утрата именно обязательственного права выступает в качестве критерия для отграничения прощения долга от

отказа от права, который может осуществляться как в отношении обязательственного, так и в отношении вещного права [10, с. 7–10].

М.А. Егорова освещает вопрос о разграничении прощения долга и отказа от исполнения договора, беря за основу природу обязательств. При этом прощение долга является универсальным способом прекращения обязательства, то есть распространяется на все виды обязательств, а отказ от исполнения обязательства применим лишь к договорным обязательствам.

Отказ от иска не свидетельствует о прощении долга, так как иначе происходит смешение институтов материального и процессуального права. Последствие отказа от иска заключается в утрате процессуального права на иск, а не потере материального права и прекращении обязательства [11, с. 17–18].

Статья 415 ГК РФ прямого запрета на прощение неимущественных обязательств и обязательств, неразрывно связанных с личностью кредитора не устанавливает. Однако, необходимо помнить о том, что прощение долга не должно приводить к нарушению интересов и прав третьих лиц. Так, например, прощение кредитором долга по возмещению вреда здоровью, может повлечь за собой дополнительные затраты со стороны родственников потерпевшего. Логичной представляется возможность простить такого рода обязательства, если они были установлены договорным путем. Однако, прощение долга, установленного в суде едва ли можно назвать целесообразным. О.Ю. Шилохвост придерживается аналогичной позиции, несмотря на то, что относит прощение долга к односторонним сделкам.

Нарушение прав и интересов третьих лиц также может повлечь прощение долга в рамках процедуры банкротства. В таких случаях реализация указанного института может осуществляться только в форме мирового соглашения, в соответствии со всеми процессуальными правилами. Утверждение мирового соглашения судьей позволит избежать подобного рода нарушений.

Стоит отметить, что при разрешении спора о том имело ли место прощение долга или нет, суды основываются на необходимости прямого, четкого и недвусмысленного выражения прощения долга. Так, две организации

заключили договор на оказание услуг по подготовке вагонов, однако, во время их нахождения у исполнителя вагоны были испорчены. Впоследствии, до полного возмещения ущерба, возникшего в результате порчи вагонов, стороны подписали соглашение о расторжении договора на оказание услуг, в котором было указано, что у сторон не имеется претензий по качеству оказанных услуг, что, по мнению ответчика, свидетельствует о прощении долга. Суд указал на то, что расторжение договора не свидетельствует о прощении долга, а также на то, что «воля кредитора на освобождение должника от лежащих на нем обязанностей должна быть четко выражена путем определения предмета сделки, то есть размера прощаемой задолженности, прощение долга необходимо выразить четко и недвусмысленно».

Таким образом, прощение долга является договором, причем в некоторых случаях отличным от договора дарения, а в некоторых выступающим его разновидностью. Критерием разграничения названных ситуаций выступает субъективный фактор, состоящий в намерении кредитора одарить должника.

Допустимо применение рассматриваемого института в отношении уже существующего долга, для его прекращения полностью или в отдельной части.

Сфера применения прощения долга распространяется на договорные и внедоговорные обязательства, но оно недопустимо в случаях, когда это приводит к нарушению прав других лиц в отношении имущества кредитора. Применение данного критерия свидетельствует об исключении из названной сферы алиментных обязательств, обязательств, возникших в результате причинения вреда, а также обязательств, сторона которых находится в состоянии банкротства.

Литература

1. Александрова С.Н. Прощение долга в коммерческих сделках // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10.

2. Бациев В.В. Практический комментарий отдельных положений главы 26 Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете) // Арбитражные споры. 2007. № 4.

3. Дождев Д.В. Римское частное прав. М.: Норма, 2008.

4. Егорова М.А. Правовая природа соглашения о новации // Юридический мир. 2011. № 5.

5. Егорова М.А. Прощение долга: новый взгляд на старые проблемы // Юридический мир. 2012. № 2.

6. Матвиенко С.В. Прощение долга и договор дарения: проблемные вопросы правоприменения // Закон. 2012. № 11.

7. Международное частное право от 01.01.2012 (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2012) [Электронный ресурс] // Режим доступа: consultant.ru (дата обращения: 20.11.2020).

8. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; Науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013.

9. Серветник А.А. Понятие предмета договора прощения долга // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5 (94).

10. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах. М.: Статут, 2015.

11. Шилохвост О.Ю. О прекращении обязательств прощением долга. М.: Изд-во Международного центра финансово-экономического развития, 1998.

12. Эрдолевкий А. Прощение долга и договор дарения // Российская юстиция. 2000. № 3.

© Бюллетень «Мастера права» 2020 год №6